

УДК 622. 001.12

МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫЕ РЕСУРСЫ И БЮДЖЕТ СТРАНЫ

Е.А. КОЗЛОВСКИЙ

*Российский государственный геологоразведочный университет
117997 Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23; e-mail: magsio@yandex.ru*

Рассмотрен вопрос о роли минерально-сырьевых ресурсов в экономическом развитии России. Отмечено расхождение между имеющимися возможностями и реальным бюджетом. Сделан вывод, что система стратегического исследования недр не отвечает проблеме обеспечения минерально-сырьевой безопасности страны и предлагается комплекс мер, которые должны привести к совершенствованию системы поиска месторождений.

Ключевые слова: минерально-сырьевые ресурсы; исследование недр; полезные ископаемые; бюджет; валовый внутренний продукт (ВВП); налоговая система; преобразования в системе исследования недр.

MINERAL RESOURCES AND BUDGET OF THE COUNTRY

E.A. KOZLOVSKY

*Russian State Geological Prospecting University
117997, Russian Federation, Moscow, Miklouho-Maklay's street, 23; e-mail: magsio@yandex.ru*

An issue about the role of mineral resources in the economic development of Russia has been considered. The divergence between the given possibilities and real budget has been marked. A conclusion has been made, that the system of the strategic investigation of mineral resources does not correspond the problem of country's mineral safety provision and a complex of measures has been suggested, which are to lead to the improvement of the system of mineral deposits searching.

Keywords: mineral resources; mineral resources investigation; useful minerals; budget; gross internal product.

Социально-экономическое развитие, геополитическое положение и роль России в мировом обществе сегодня в значительной мере определяются её минерально-сырьевым потенциалом и государственной стратегией его использования. Геология всегда играла большую роль в развитии отечественного минерально-сырьевого комплекса и тем самым нашей экономики. Россия унаследовала от СССР положение страны, самой обеспеченной в мире минерально-сырьевыми ресурсами. Доля России в мировых запасах нефти составляет 13 %, газа — 32, угля — 11, свинца, цинка, кобальта, никеля, железа от 10 до 36 % и т. д. [6]. Валовая ценность разведанных и предварительно оцененных запасов составляет около 28,5 трлн. долл. Минерально-сырьевой комплекс в экономике страны занимает ведущее место: в сфере недропользования сосредоточено около 40 % всех основных фондов промышленных предприятий и 13 % балансовой стоимости всех основных фондов экономики России [6]. При этом добывающими и геолого-разведочными отраслями обеспечиваются в среднем 30 % ВВП и около 50 % объёма экспорта [6]. За счёт экспорта минерального сырья и продуктов его переработки обеспечивается около 80 % валютных поступлений страны [7].

Исходя из накопленного материала и информации из авторитетных источников, необходимо обратить внимание на специфику роли минерально-сырьевого комплекса в формировании государственного бюджета.

В последнее время внешняя политика несколько отодвинула на второй план острейшие проблемы внутренней жизни России, прежде всего прогрессирующей деградации экономики страны. Основной вклад в деградацию вносят не экономические санкции Запада, а действия российского правительства. Это, в частности, наглядно видно на следующем примере. В феврале 2017 г. Правительство РФ утвердило программу приватизации на ближайшие три года. Планируется приватизировать 477 акционерных предприятий и 298 ФГУП, доли капитала которых в той или иной степени принадлежат государству. Доходы от приватизации, запланированные на 2017 г. (5,8 млрд. руб.), составят лишь 0,03 % по отношению к бюджетным расходам. Много это или мало? К примеру, прибыль компании «Алроса» только за первую половину 2016 г. составила 186,7 млрд. руб., в валютном эквиваленте это порядка 3 млрд. дол. Следовательно, в расчёте на год получается около 6 млрд. дол. «Алроса» крупнейший в мире производитель алмазов,

на компанию приходится примерно четверть их мировой добычи. Долю государства в этой компании уже понижали: она упала до критических 33 %. К 2019 г. долю государства намечено сократить до 29 % + 1 акция. Но среди её акционеров фигурируют Республика Якутия и муниципалитеты республики, на территории которых работает компания. Судя по всему, эти акционеры также выйдут из капитала «Алроса». Таким образом, эффективность её приватизации оказывается в вопиющем противоречии с реальной жизнью и ничего хорошего стране не даст.

В результате очередного этапа приватизации госимущества государство может утратить контроль над многими рентабельными компаниями, превратится в миноритарного акционера и лишится немалых доходов. Между тем положение с бюджетными доходами внушает серьезные опасения.

Министерство финансов предложило на три года (с 2017 г.), не адекватной ситуации в стране дефицитный федеральный бюджет, который был принят Госдумой.

Лишённый всяких предпосылок для развития экономики страны он основан на ничем не обоснованных ожиданиях, в частности, цены нефти не ниже 40 дол. за баррель, валютного курса 67,5 руб. за 1 дол., и обещанной Центробанком, «с потолка» взятой, низкой, в 4 %, ценовой инфляции. Однако она мало зависит от ЦБ, да и определяется по нищенской корзине товаров и услуг, надумано малой относительно всей товарной массы, находящейся в обращении. Расходы бюджета с 16,7 трлн. руб. в 2016 г. понизятся в 2019 г. до 16,2 трлн. руб.

В своём послании Федеральному собранию в декабре 2016 г. Президент РФ В.В. Путин фактически заявил об исчерпании инерционной модели экономического развития: *«Если мы не запустим в полную меру новые факторы роста, то на годы можем зависнуть возле нулевой отметки. И значит, нам придётся постоянно ужиматься, экономить, откладывать на потом своё развитие. И такого мы позволить себе не можем»*.

Президент страны поручил правительству к 2019 г. обеспечить относительный прирост нашей экономики с превышением среднемирового. Речь, надо полагать, идет о приростах соответствующих ВВП. Это значит, что прирастать наш ВВП должен будет примерно на 4 % в год, так как, согласно прогнозу МВФ, мировая экономика будет ежегодно увеличиваться примерно на 3 %. К маю 2017 г. правительству предписано представить план интенсивного экономического развития страны. Но для такого развития потребуются значительные частные инвестиции и банковские кредиты по низким ставкам — не выше чем в несколько процентов годовых. Промышленные предприятия своими средствами обеспечивают сегодня не более половины необходимых вложений, строительные —

около 20 %, что явно недостаточно даже для простого воспроизводства экономики. Вклад банков при этом мизерный.

Трехлетний федеральный бюджет, разработанный Минфином на 2017—2019 гг., просчитан, исходя, в частности, из прогнозируемого ежегодного прироста инвестиций в размере 1,8 % от ВВП. По некоторым оценкам, для достижения предписанных президентом даже относительных темпов экономического роста доля инвестиций относительно ВВП — они у нас и у «них» в абсолютных значениях существенно разнятся, должна превышать 25 %. Это означает, что, исходя из базового ВВП 2015 г., который составил 80412,5 млрд. руб., инвестиции в 2019 г. должны возрасти до 20,103 трлн. руб. По данным Центробанка инвестиции организаций всех форм собственности в основной капитал (без субъектов малого предпринимательства) в 2015 г. были вдвое меньше — 10,277 трлн. руб. или 91,6 % от объёма инвестиций предыдущего года. При этом банковские кредиты, предоставленные предприятиям и организациям всех форм собственности (кроме малых предприятий) на создание, воспроизводство и приобретение основных фондов в 2014 г. составили почти 1,099 трлн. руб., а в 2015 г. — 849,8 млрд. руб., или всего 1,41 % и 1,02 % соответственно от размещенных банками на стороне собственных и привлеченных средств. Остальные средства использовались для финансовых спекуляций.

В 2016 г. инвестиции по сравнению с предшествующим годом уменьшились. Налицо явная тенденция сокращения вложений в реальный сектор экономики и транспорт. Инвестиции оборачиваются производством продукции только спустя какое-то время, составляющее, в зависимости от её сложности, месяцы и годы.

Доходы консолидированного бюджета в 2016 г. составили 14482,4 млрд. руб., в том числе налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами 2951,8 млрд. руб. Нефтегазовых доходов поступило в федеральный бюджет 4844 млрд. руб. или почти 36 % от всех доходов, составивших 13460,1 млрд. руб. Дефицит федерального бюджета в 2016 г. сложился в сумме 2956,3 млрд. руб. [7].

Расходы в 2017 г. по дефицитному федеральному бюджету намечены в размере 16,181 трлн. руб., что меньше расходов (16,636 трлн. руб.) 2016 г. Национальная экономика в 2017 г. получит бюджетные ассигнования в сумме 2,3 трлн. руб. (в 2016 г. — 2,401 трлн.), в 2018-ом ей будет выделено 2,246 трлн., а в 2019 г. — 2,054 трлн. руб. [7]. Как видим, в ближайшие три года и без того мизерное госфинансирование экономики будут сокращать. Замечу, немалая часть выделяемых для экономики бюджетных средств идет не на её развитие, а на компенсацию убыточности ряда предприятий, в частности,

Волжского автозавода и производства авиалайнеров «СуперДжет-100», а также покрытие «убытков» некоторых особо приближенных к госкормушке коммерческих банков.

Спрашивается, на каком основании при нарастающем сокращении госрасходов на столь важную статью и уменьшении частных инвестиций в экономику по сравнению с 2016 г. высокопоставленные правительственные чиновники во главе с премьером прогнозируют экономический рост в стране? Ведь на иностранные кредиты и инвестиции в условиях западных санкций рассчитывать нельзя, а российские предприниматели не могут позволить себе брать банковские кредиты из-за непомерно высоких ставок и больших рисков вложений. Ставки составляют от 15 до 40 % при средней годовой рентабельности предприятий реального сектора экономики в 7–8 %. Но даже при возможности заимствования денег за рубежом, какой смысл было десятки лет залезать в немалые валютные долги и под них выпускать нищенскую рублёвую массу? Ведь Центробанк выпускает денежную массу, которая примерно на 40 % меньше требуемой для обеспечения её баланса с товарной массой при их обращении, чтобы можно было выкупать все товары и услуги на внутреннем рынке. В интересах Федеральной резервной системы США ЦБ выпускает рублёвую денежную массу в размерах, соответствующих поступающей в страну иностранной валюте — долларам и евро. Эмиссия рублей производится в пересчёте по фиктивному курсу их обмена, при котором существенно занижается покупательная способность рубля. Это выходит за рамки элементарного здравого смысла, так как нужно проводить суверенную денежную эмиссию в размерах, обеспечивающую оборот и реализацию отечественных товаров и услуг с расширением их производства. Иначе говоря, по потребности реального сектора, создающего реальную добавленную стоимость, как делают, к примеру, в Китае.

Совершенно очевидно, чтобы выполнить указание президента страны об интенсификации развития экономики недавно принятый Госдумой бюджет потребует вскоре существенно изменить. Но какие необходимые для этого меры экстренно, в течение нескольких месяцев, могут быть предложены правительством, особенно для привлечения частных инвестиций в столь больших суммах при минимальных рисках вложений, и какие оно сможет предложить для этого гарантии?

Об отсутствии у членов российского правительства ответа на ставший извечным вопрос «Что делать?» свидетельствуют их многолетние бездоказательные и противоречивые утверждения и проносимые рефреном одни и те же мантры. Уже не первый год хором и в сольном исполнении они закливают российскую экономику расти быстрее. «Наша задача — обеспечить темпы роста экономи-

ки не ниже 5 % в год» говорил премьер-министр Дмитрий Медведев еще в 2013 г. на Гайдаровском форуме. Однако ничего реального для этого пока не предложено.

Обеспечение устойчивого развития России в условиях глобализации ресурсов и экологических проблем требует, в частности, осмысления роли минерально-сырьевой базы в этом процессе. Проблема удовлетворения растущих потребностей мировой экономики в минеральном сырье с каждым годом становится всё более острой и трудно разрешимой. Состояние минерально-сырьевой базы и обеспеченность минеральными ресурсами — сегодня одна из глобальных проблем, как в целом мировой экономики, так и отдельных стран.

Мировые затраты на геолого-разведочные работы на углеводородное сырьё 75 крупнейших компаний мира, по данным международной аналитической группы «EY Global oil and gas reserves study 2014» [1], оценивались в 2013 г. в 87,9 млрд. долл. против 83,4 млрд. в 2012 г. Из них на США приходилось 26 % или 23,1 млрд., на страны Азиатско-Тихоокеанского региона — 25 % (21,3 млрд.), Южную и Центральную Америку — 19 % (16,6 млрд.), Африку и Средний Восток — 8 % (7,1 млрд.), Европу — 6 % (5,7 млрд.), Канаду — 4 % (3,7 млрд.), на прочие страны — 12 % или 10,7 млрд. долл.

За последние пять лет затраты на геолого-разведочные работы на углеводородное сырьё в мире увеличились на 57 % [1]. По твёрдым полезным ископаемым мировые затраты на разведку месторождений, за исключением железных руд, углей, бокситов и некоторых нерудных видов, по данным канадской аналитической группы SNL Metals and Mining, которая ежегодно определяет объёмы и структуру затрат на геолого-разведочные работы в мире, за период с 2000 по 2010 гг. увеличились с 2,7 до 12,1 млрд. долл., в 2011 г. — до 17,3 млрд., а в 2012 г. достигли 21,5 млрд. долларов. Рост затрат на геолого-разведочные работы отражает значительное потребление минерального сырья в мире, особенно в Китае, что потребовало поисков и разведки новых месторождений в более отдалённых регионах при более глубоком залегании. Большая часть разведанных запасов и добычи минеральных ресурсов относится к уникальным и крупным бассейнам, регионам, месторождениям и странам. В частности, почти 90 % (222,4 млрд. т) мировых доказанных запасов нефти сконцентрировано в месторождениях 12 стран [2].

Минерально-сырьевая база России вступила в фазу прогрессирующего кризисного состояния и с точки зрения государственных интересов используется неэффективно. Оценивая ситуацию, следует обратить внимание, что нефть и газ дают относительно много доходов в бюджет, но мало в прирост ВВП. Доля прироста ВВП за счёт экспорта нефти и газа составляет порядка 10 %. Поэтому вряд ли на

экспорте и росте цен на сырьё российская экономика будет расти и дальше прежними темпами.

Сохранение или дальнейшее наращивание дисбаланса в цепочке «производство—потребление—экспорт» добытого сырья и продуктов его переработки фактически закрепляет статус России как сырьевого придатка промышленно развитых стран Запада.

Не следует забывать, что в мире происходит постоянное перераспределение влияния цены на нефть. Американские сланцевые компании анонсировали проекты по наращиванию добычи. Недавно в Хьюстоне прошла представительная конференция на глобальном энергетическом рынке CERAWEEK. Их планы грозят подорвать ОПЕК по стабилизации мирового рынка нефти и восстановлению цен на сырьё.

Осложнения с запасами нефти в Западной Сибири, Татарстане, Приволжье и Восточной Сибири привели к тому, что уже в 2017 г. наша страна может столкнуться с проблемами в поддержании достигнутого уровня добычи. В качестве первых шагов Трамп, избранный 45-м президентом США, обещал максимально либерализовать американский рынок нефтедобычи, включая снятие запрета на шельфовое бурение и бурение с применением гидроразрыва пласта, что обеспечит существенный прирост добычи сланцевой и шельфовой нефти в США. Российских планов не только по сланцевой нефти, но и баженновской свите, которые обсуждаются более 30 лет, нет. А ведь рейтинговое агентство Fitch исходит из положений, что средняя цена нефти марки Brent в 2017 г. составит 52,5 долл. за баррель, т. е. ниже уровня цен в январе и феврале 2017 г.

Это только один из вопросов, которые мы плохо осмысливаем и прогнозируем. Другой пример — падение внутреннего спроса, в частности, на цветные металлы. Снижение спроса обусловлено главным образом спадом производства в основных отраслях, потребляющих цветные металлы, таких как машиностроение и ВПК, на долю которых приходится более 85% общего потребления этих металлов [6]. Значительно снизилось их потребление в электротехнической и радиотехнической промышленности, а также в автомобилестроении, что связано с насыщением внутреннего рынка более качественной импортной продукцией этих отраслей.

Действующая налоговая система не учитывает уровня ликвидности месторождений полезных ископаемых, технического состояния действующих предприятий, а также особых геополитических интересов страны, не обеспечивает максимально возможного использования имеющейся минерально-сырьевой базы и поэтому требует дальнейшего реформирования. Между тем вложенные в советское время средства в поиск, разведку, освоение и обустройство месторождений переходят в виде неза-

работанных доходов в карманы хозяев компаний-недропользователей. Новым недропользователям не только передали бесплатно сотни тысяч скважин, промыслы, здания, сооружения и другие объекты, построенные на месторождениях, но ещё позволили им амортизировать эти объекты. В итоге недропользователи присваивают в денежном виде переоцененную стоимость капитальных вложений, которые были сделаны ранее в освоение и обустройство действующих месторождений. Таким образом, в условиях рынка российские граждане с 1992 г. вторично возмещают прошлые, однажды ими оплаченные затраты на обустройство месторождений.

Анализируя действующие в нашей стране механизмы распределения, использования и присвоения горной и ценовой ренты, С.А. Кимельман [4] констатирует, что в современной российской экономике более-менее точно известна только та часть ренты, которая поступает в федеральный и региональный бюджеты. Однако прозрачность в использовании рентных налоговых доходов отсутствует. Из этих весомых доходов (до 40—50 % поступлений в бюджет) лишь мизерная доля направляется на воспроизводство минерально-сырьевой базы. С 2005 г. бюджет начал считаться ненефтегазовым, так как нефтегазовая рента направлялась в Стабилизационный фонд, впоследствии разделенный на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, из которых часть средств в виде трансфертов поступала в бюджет. Сегодня эти фонды почти полностью потрачены на покрытие дефицита федерального бюджета.

По большинству основных полезных ископаемых Россия в будущем может столкнуться с масштабной проблемой дефицита рентабельных запасов, если в ближайшее время не будут реализованы радикальные меры в сфере стратегического исследования недр, недропользования и создания эффективных экономических механизмов.

Нетрудно догадаться насколько бурно расцвёл чёрный рынок торговли месторождениями и геологической информацией. Через посредников данными и секретными картами вовсю торговали из-под полы. Розданы 90 % всех разведанных ресурсов нефти, никеля и алмазов, 80 % — газа, 70% — золота и платины [7]. Можно констатировать, что советская система поиска, разведки и оценки месторождений практически разрушена. Мы не заметили, или не хотели замечать, как у государства «утащили» наиболее рентабельные месторождения.

Отсутствие научно проработанной государственной стратегии развития и использования минерально-сырьевой базы, основанной на принципах самообеспечения с необходимой долей экспорта и ограниченного импорта, создало угрозу национальной безопасности страны и ведет к утрате Рос-

сией геополитических приоритетов в минерально-сырьевом секторе мира. После развала Советского Союза проблема самообеспечения минеральным сырьем встала и перед Россией: по 21 его виду образовался или почти полный (марганец, хром, стронций, ртуть, цирконий и др.), или весьма значительный (свинец и цинк, флюорит, барит, каолин и др.) дефицит.

Система стратегического исследования недр не отвечает требованиям обеспечения минерально-сырьевой безопасности страны. Это в своих решениях подчёркивали Межведомственная комиссия Совета Безопасности РФ по безопасности в сфере экономики ещё в марте 2001 г. и Межведомственная комиссия Совета Безопасности РФ по экологической безопасности, которая в июне 2014 г. обсуждала меры по развитию геолого-разведочной отрасли в интересах обеспечения национальной безопасности. Важность неотложного решения назревших проблем развития минерально-сырьевого комплекса России неоднократно подчёркивалась также на всех уровнях государственной власти, включая Государственную Думу, Совет Федерации, на различных форумах научной общественности.

Объёмы добычи полезных ископаемых в России за последние десятилетия существенно снизились: газа, никеля, цинка, железных руд на 7–17 %, нефти, угля, урана, меди, бокситов, платиноидов, калийных солей на 20–35 %, хромовых руд, свинца, олова, молибдена, сурьмы, ниобия, золота, серебра, апатитов на 40–60 %, вольфрама, титана, фосфоритов, плавикового шпата в 3 раза и более [7].

Не так давно Министерством энергетики РФ принята «Стратегия развития нефтяной отрасли до 2035 года». В ней оба сценария — «базовый», и «консервативный» предусматривают падение объёмов переработки «чёрного золота», причём намеченное падение переработки значительно превысит сокращение объёмов добычи нефти. А ведь речь идет о стратегической государственной программе развития важнейшей для нашей страны отрасли.

В 2016 г. состоялся очередной съезд геологов. На нём должны были обсудить упомянутые выше проблемы в области стратегического исследования недр. К сожалению, съезд принял пустой документ по «Стратегии...», который ничего не даёт, что ещё раз подчеркнуло глубину падения научного и организационного поиска месторождений полезных ископаемых. Роль геологии за последние годы упала по вине органов государственного управления и главный результат этого — разрушение системы подготовки кадров. Никогда в истории страны не был так низок авторитет геолога, как в последние 25 лет.

Разрушение системы стратегического исследования недр наряду с потерей воспроизводства ресурсного

потенциала, является тяжелейшей политической и экономической ошибкой постсоветского периода.

Нынешняя система управления процессами исследования недр себя не оправдала. Она привела к снижению научно-практического потенциала геологии, потере серьезного научного задела, развалу территориальных геологических организаций и производственно-технического обеспечения, потере квалифицированных кадров. Поэтому необходимо обеспечить принципиальный перелом в государственной политике в сфере геологического изучения недр, воспроизводстве минерально-сырьевой базы, структуре геологической службы страны и её государственного сектора, в управлении геологическими исследованиями и геолого-разведочными работами.

Главными целями деятельности будущей структуры управления, по моим представлениям, должны стать:

восстановление системы стратегического исследования недр для создания перспективного задела обеспечения страны важнейшими видами полезных ископаемых;

научно-аналитическая разработка минерально-сырьевой политики на длительную перспективу (20, 50 лет);

анализ и оценка перспектив потребления, экспорта, импорта минерального сырья и разработка предложений по покрытию его дефицита;

разработка предложений по созданию запасов минерального сырья и материалов для обеспечения деятельности государства в особых условиях и т. п.

Для этого потребуется изменить структуру управления исследованием недр, воспроизводством минерально-сырьевой базы и недропользованием в целом, воссоздав Министерство геологии и недропользования РФ. Министерство должно представлять вертикально интегрированную систему, включающую отраслевые федеральные органы исполнительной власти и научно-производственные предприятия и объединения, подведомственные или ими координируемые.

В ноябре 2015 г. ЮНЕСКО опубликовала доклад «На пути к 2030 году». Из него следует, что вклад России в мировую науку существенно отличается от вклада Китая и США. Причём наш вклад обеспечивают традиционные советские отрасли знаний, такие как теоретическая физика. В современных перспективных сферах науки, требующих дорогостоящего оборудования, наш вклад близок к нулю. Следует заметить, что в США 80 % вложений в науку — частные. Но там действует прогрессивная шкала подоходного налога, которая позволяет богатому плательщику выбор: отдать в бюджет или на что-то пожертвовать. У нас принятию такого закона противятся власти.

Решение проблем экономического развития, жизненно значимых для страны и её безопасности,

не может подменяться относительным увеличением ВВП. Произошедшее за последние 25 лет отставание отечественной промышленности от развитых стран при исчерпании остающихся ресурсов требует скорейшей инвентаризации этих остатков

с тем, чтобы научно обосновать значимые и еще возможные цели и задачи модернизации страны.

Но все это окажется невозможным без привлечения к руководству наукой, промышленностью и экономикой компетентных специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бежанова М.П. Ресурсы, запасы, добыча и потребление важнейших видов полезных ископаемых мира./М.П. Бежанова, Л.И. Стругова. М.: ОАО «ВНИИЗарубежгеология», 2015. 160 с.
2. Воронин Ю.М. Величайшая российская депрессия//Экономическая и философская газета. 2009. № 16—17.
3. Высоцкий В.И., Фельдман С.Л. Нефтегазовая промышленность мира. Справочно-аналитический обзор (на начало 2015 г.). М.: ОАО «ВНИИЗарубежгеология», 2015. 63 с.
4. Катасонов В.Ю. Цена открытости. «Потери российской экономики триллионы долларов за десять лет.»//Советская Россия. Отечественные записки. 2015, март. № 5.
5. Кимельман С.А. Государственное регулирование недропользования и воспроизводство минерально-сырьевой базы России. СПб.: Записки горного института. 2011. Т. 191. С. 9—29.
6. Козловский Е.А. Минерально-сырьевые ресурсы в экономике мира и России. М.: ВНИИгеосистем, 2014. 700 с.
7. Козловский Е.А. О проблемах реорганизации системы геологических исследований в свете минерально-сырьевой безопасности страны//Проблемы экономики и управление нефтегазовым комплексом. 2016. № 6. С. 4—12.
8. Малинецкий Г.Г. Проектирование будущего и модернизация России//Экономическая и философская газета. 2010. № 20 (808).

УДК 378

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫМ КОМПЛЕКСОМ

Ю.Б. ВИНСЛАВ, С.В. ЛИСОВ

*Российский государственный геологоразведочный университет
117997, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 23; e-mail: science@mgri-rggru.ru*

Обоснован вывод, что институциональные нормы и правила, действующие для отношений в недропользовании, крайне слабо затрагивают промышленно-инновационный аспект деятельности минерально-сырьевого комплекса (МСК). Фактически эти нормы и правила консервируют гипертрофированную экспортно-сырьевую направленность деятельности предприятий МСК. Перспективное развитие отечественного МСК должно базироваться на учёте требований совокупности институциональных норм, относящихся как непосредственно к сфере добычи и воспроизводства минерального сырья, так и промышленно-инновационному регулированию, предполагающему переход к экономике высших технологических укладов. Сформулированы цель, задачи, основные принципы промышленной политики применительно к деятельности МСК. Предложен методический подход к разработке стратегических курсов развития геологической отрасли. Даны предложения по совершенствованию механизмов кадрового обеспечения сферы недропользования.

Ключевые слова: минерально-сырьевой комплекс; геологическая отрасль; государственное регулирование; промышленная политика; стратегия; национальная система квалификаций.

INSTITUTIONAL ASPECTS OF THE IMPROVEMENT OF THE MANAGEMENT IN THE MINERAL AND RAW COMPLEX

YU.B. VINSLAV, S.V. LISOV

*Russian State Geological Prospecting University
117997, Russian Federation, Moscow, Miklouho-Maklay's street, 23; e-mail: science@mgri-rggru.ru*

A conclusion has been justified, that the institutional norms and rules existing for the mineral resources use relations, extremely poorly affect industrial and innovative aspect of the activity of the mineral and raw complex (MRC). Actually these norms and rules preserve a hypertrophied export and raw orientation of activity of the MRC enterprises. Perspective development of the domestic MRC has to be based on the considering of the requirements of a set of the institutional norms relating to the sphere of production and reproduction of mineral raw materials, and to the industrial innovative regulation assuming transition to the economy of the highest technological ways. The purpose, tasks, the basic principles of the industrial policy in relation to MRC's activity have been formulated. A methodical approach to the development of the strategic courses of the development of the geological sector has been offered. Suggestions for the improvement of the mechanisms of staffing of the sphere of mineral resources use have been given.

Keywords: mineral and raw complex; geological sector; state regulation; industrial policy; strategy; national system of qualifications.